

Цэнь Цзинь выслушал его молча, не выдавая своих мыслей. Со стуком опустив пиалу на столик, он произнес:

— По правде говоря, я не верю во всю эту чепуху с предначертанными судьбами.

Жэнь Гуань мягко улыбнулся:

— И правильно делаете, князь. Рок слеп, а человек жив, так с чего бы живой душе подчиняться мертвым знакам? Я всю жизнь читал чужие судьбы, повидал без счета людей, но сам, признаться, порой сомневаюсь. Даже если кому и суждено свыше великое будущее, без недюжинного ума и благосклонности случая все эти знаки — пустой звук. Вы велели князю Чжао за двадцать дней выставить этого сицзяского зятя, принца-консорта Цзинь Яжэня, вон из Гуаньчжуна. Что же, посмотрим, справится ли он. Тогда и рассудим.

— Я ведь не из желания досадить ему так поступил, — вздохнул Цэнь Цзинь. — В свое время у заставы Фэньюй он знатно помог Гуаньчжуну сдержать набег Сицзя. Ты же знаешь, держи я при себе излишне ретивых полководцев, император тут же извелся бы подозрениями. Приходится довольствоваться посредственностями. Так что его присутствие на границе когда-то сберегло мне немало сил, и в душе я ему благодарен. Но сейчас... Сдается мне, он нарочно заманил сюда этих дикарей из Сицзя. Простой люд стонет от их бесчинств, чиновники на местах волком воют. К тому же из столицы доходят слухи, будто я снабжаю князя Чжао провиантом, встречаюсь с ним тайно, да так расписывают — со всеми подробностями, словно сами свечку держали. Если эти сплетни дойдут до ушей императора, беды не миновать. И ведь наверняка это его рук дело, его соглядатаи болтают. Мальчишка просто пытается припереть меня к стене и заставить помочь. Пусть со стороны мое удельное княжество и кажется нерушимой твердыней, в подобных делах нужна крайняя осторожность. Так что сперва я погляжу, на что он способен.

На следующий день Ян Е разыскал Се Ляньфана и велел тому передать князю Цэню просьбу: отправить принцу-консарту Цзинь Яжэню десять красавиц, но непременно от имени самого князя. Взамен пообещал после завершения дела либо вернуть долг золотом, либо прислать новых девиц. Когда именно это «дело» выгорит, Ян Е не устроил допроса, а Се Ляньфан расспрашивать не решился. Он без промедления доложил обо всем Цэнь Цзиню. Князь препятствовать не стал: выделил чиновника, который отобрал у Се Ляньфана десяток самых миловидных заложниц и препроводил их в лагерь сицзясцев.

В Лояне и Гуаньчжуне многие замерли в тревожном ожидании, гадая, примет ли Цзинь Яжэнь такой сомнительный дар. Однако принц-консорт не просто принял всех красавиц с благосклонной улыбкой, но и сразу же передал половину из них — пятерых прелестниц — сопровождавшему войско помощнику министра Цзину. Этот жест немало изумил окружающих. Похоже, в глубине души зять иноземного правителя боялся своей грозной супруги, Старшей принцессы, куда меньше, чем пытался показать на людях.

Тем временем Ян Си и Бэйчэнь Цин благополучно приняли обозы с провиантом, отправленные Цэнь Цзинем. Силы восставших, зажатые в глухих горных ущельях, едва сводили концы с концами, и единственной грозной силой в их распоряжении оставалась конница под началом

Юань Оумина. Ян Си приказал Бэйчэнь Цину взять этих всадников и выступить против врага. Получив зерно, воины воспрянули духом. На шестой день пути, искусно обойдя заслоны великого генерала Вэй Мэндо, кавалерия нагнала войско Цзинь Яжэнь. Назревало решающее сражение.

Пользуясь моментом, Ян Си разыграл еще одну карту, предложенную Ян Е: отправил Вэй Линьсяня с несколькими верными телохранителями в сицзянский город Юньчжун, чтобы те распустили среди местных нужные слухи.

Конница Юань Оумина, истосковавшаяся по настоящему делу, лавиной обрушилась на сицзясцев. Противники столкнулись у подножия хребта Жёлтого Дракона. Цзинь Яжэнь не ожидал столь дерзкого и стремительного удара; его авангард смяли в первые же минуты, и войско в панике покатилось назад. Не давая врагу опомниться, всадники Юань Оумина гнали его больше сотни ли, пока не прижали к берегам реки Циншуй. Несколько сицзяских военачальников пали в этой сече. Бэйчэнь Цин велел срубить им головы — помня наказ Ян Си: «Эти головы станут отличным подарком князю Цэню к празднику окончания года».

Однако Цзинь Яжэнь был тертым калачом. Поняв, что отряд Бэйчэнь Цина уступает ему числом, он быстро навел порядок в рядах, развернул уцелевшие сотни и приготовился нанести сокрушительный ответный удар.

Понимая, что в лобовой атаке малочисленной коннице не выстоять, Бэйчэнь Цин раздробил силы на мелкие летучие отряды. Они изнуряли врага постоянными набегами, уходя от крупных столкновений. Противостояние затянулось на неделю, и ни одна из сторон не могла взять верх.

Двадцатидневный срок, отпущенный старым князем, неумолимо подходил к концу. Ян Си уже извелся от тревоги, когда пришла неожиданная весть: под покровом ночи Цзинь Яжэнь спешно свернул лагерь и увел свои отряды далеко на север, за реку Юндин.

Причина столь поспешного отступления крылась в письме, тайно доставленном из Юньчжуна. Слухи, пущенные Вэй Линьсянем, возымели действие: Старшая принцесса, взяв под уздцы дворцовую стражу Сицзя, заблокировала город, взяла под стражу всех преданных людей мужа и приказала ему немедленно вернуться. В случае неповиновения она грозила лишить его командования и отозвать войско.

Как ни силен был Цзинь Яжэнь, он оставался чужаком среди сицзясцев. За долгие годы в Юньчжуне он успел обзавестись верными сторонниками, однако тягаться со Старшей принцессой, родной дочерью правителя Сицзя, чье слово в степях было законом, он не мог. К тому же у него были свои далекоидущие планы, ради которых ссориться с супругой раньше времени не следовало. Скрепя сердце он пришел к находившемуся при штабе помощнику министра Цзин Хуайюю и объявил, что уводит войска обратно в степь.

Цзин Хуайюю не на шутку изумился:

— Но почему сейчас? Мятежники загнаны в угол, победа близка как никогда! Зачем отступать

в самый решающий момент?

Умалчивая о бунте в собственной постели, Цзинь Яжэнь невозмутимо ответил:

— Мои воины слишком долго пробыли вдали от родных кочевий и тоскуют по дому. Если задержимся дольше, в войске начнется разброд. Сами понимаете, я не сицзясец по крови, и лишний раз испытывать их терпение мне не с руки. Оставшихся бунтовщиков без труда добьет генерал Вэй, наша помощь ему больше не требуется. Но прежде чем уйти в степь, я намерен нанести визит в Лоян и встретиться с вашим императором. Прошу вас, господин помощник министра, замолвить за меня словечко перед Его Величеством. — С мягкой улыбкой он придвинул к Цзин Хуайюю исписанный лист бумаги. — Условия, о которых мы договаривались прежде, пора бы закрепить на деле. Вы уж постарайтесь представить меня в лучшем свете, а я в долгу не останусь.

Цзин Хуайюю пробежал глазами список требований, но, дойдя до последнего пункта, так и застыл:

— Позвольте, но о переносе Трех застав на двести ли к югу прежде уговора не было! Принц-консорт, я не посмею озвучить такое государю. Император на это никогда не пойдет.

Цзинь Яжэнь тонко усмехнулся:

— Договоры пишутся людьми, а значит, всегда могут быть изменены. Помогите мне заполучить эти земли, господин помощник министра, и треть от дани за первый же год окажется в ваших карманах.

Цзин Хуайюю в сердцах опустил ладонь на стол и со вздохом покачал головой:

— Дело слишком опасное. Я не могу пообещать то, что заведомо не в моих силах исполнить. Давайте сменим тему, принц-консорт.

Цзинь Яжэнь прищурился, и в его голосе зазвучали ледяные нотки:

— Что ж, тогда я могу просто закрепиться у Трех застав. А после отправлю весть в Юньчжун, и мои люди ударят с тыла. Двести ли земли все равно будут моими. Разве у генерала Вэй, занятого поимкой вашего князя Чжао, найдется время и силы, чтобы прогнать меня?

Он в упор посмотрел на собеседника:

— Я проливал кровь своих воинов, помогая вашему государству усмирить бунт, и не намерен уходить с пустыми руками — сородичи меня не поймут. К тому же вы, господин Цзин, все это время были при мне. В глазах двора мы давно повязаны одним делом. Думаете, вам удастся выйти сухим из воды, если начнется заваруха? Подумайте хорошенько и соглашайтесь.

Лицо Цзин Хуайюя потемнело, он напряженно размышлял, взвешивая все за и против. Наконец он заговорил:

— Вы забываете, что обороной Трех застав командуют Фан Вэньюэ и Ин Сю. После гибели генерала Ло Ин они затаили глубокую обиду на императора, а уж вас и вовсе ненавидят всей душой. Стоит вам задержаться у границ, и они, наплевав на любые высочайшие указы, сотрут вас в порошок. Подумайте об этом. — Помощник министра нахмурился. — Принц-консорт, требуйте лучше увеличения ежегодной дани, это куда вернее. Мое дело — предупредить, а дальше решайте сами.

Цзинь Яжэнь рассмеялся:

— Я хочу и земли, и дань. Вы назовете меня ненасытным, но такова уж человеческая природа, и вам, человеку искушенному, ли этого не знать? К тому же, потребуй я сразу лишь серебро, ваш император наверняка упрется. Поэтому я уступлю малое ради большего: сперва потребую территории, а когда он откажет, соглашусь на увеличение выплат. Отказать дважды ему не позволит гордость. Будьте спокойны, я держу слово — треть от полученного за первый год достанется вам.

Поняв замысел степняка, Цзин Хуайюй облегченно рассмеялся и хлопнул в ладоши:

— Так вот каков ваш план! Блестяще. В таком случае у меня есть еще одна мысль. Потребуйте у императора то, с чем он ни за что не пожелает расстаться. Наш государь милостив и мягкосердечен; отказав вам в очередной раз, он укорит себя в несправедливости, и тогда в вопросе дани договориться будет куда проще.

— И что же это за сокровище? — заинтересовался Цзинь Яжэнь.

Цзин Хуайюй подался вперед и заговорщически прошептал ему на ухо имя. Цзинь Яжэнь в изумлении вскинул брови:

— Неужели этот человек дороже двухсот ли земли и тысяч слитков серебра?

— О ценности судить не мне, — ухмыльнулся помощник министра. — Но для Его Величества он неприкосновенен. Там кроется давняя и запутанная история, о которой лучше не распространяться. Так что не спрашивайте меня более, принц-консорт.

Цзинь Яжэнь лукаво прищурился и вкрадчиво заметил:

— И все же, хоть Лин Шу и приметен лицом, его очарование меркнет перед умом и статью господина Цзина.

Цзин Хуайюй поспешно поклонился, скрывая польщенную улыбку:

— Вы слишком добры ко мне, принц-консорт. Я недостойн столь высокой похвалы.

Наметили план действий, заговорщики проговорили до глубокой ночи. На следующий день Цзинь Яжэнь отвел остатки сил на северный берег реки Юндин, а сам налегке, в сопровождении лишь личной охраны и Цзин Хуайюя, тайно выехал в столицу Да Янь — Лоян.

Из-за многолетней вражды с Сицзя в народе Лояна зрело сильное недовольство кочевниками. Получив весть о прибытии иноземного зятя, император Ян Тао не стал афишировать визит и согласился на тайную аудиенцию в Зале Вечной Добродетели.

При встрече правитель и посол долго вглядывались друг в друга. Цзинь Яжэнь поразился благородной, утонченной красоте Ян Тао, а тот, в свою очередь, удивился мягким манерам и изящному сложению гостя. Лишь когда император узнал, что его собеседник — не дикий кочевник Сицзя, а выходец из далеких Западных краев, его напряжение немного спало. Их тайные переговоры затянулись на несколько часов: начавшись в полдень, они завершились лишь на закате. Цзинь Яжэнь покинул дворец полностью удовлетворенным. Ян Тао же пребывал в ярости — он даже слушать не стал Цзин Хуайюя, попытавшегося его успокоить, и в гневе выставил помощника министра вон из кабинета.

Дворцовые слуги так и не узнали, кто удостоился тайного приема, но после ухода загадочного гостя император дал волю безудержному гневу. В Зале Вечной Добродетели звенела бьющаяся посуда, летели на пол драгоценные безделушки. Наконец государь затих и долго сидел на троне в угрюмом молчании. Год близился к концу. Начальник императорских евнухов Хэ Цинчунь, улучив минуту, бесшумно проскользнул в залу, держа в руках присланные из Министерства ритуалов списки праздничных подношений.

Ян Тао рассеянно пробежал глазами бумаги.

— Неужели праздники уже на пороге? — пробормотал он и, словно вспомнив о чем-то важном, добавил: — Стой. Вели немедленно готовить выезд. Нам нужно навестить в Верховный суд.

Прослуживший при дворе не один десяток лет Хэ Цинчунь сразу смекнул, в чем дело.

— Слушаюсь, Ваше Величество. Все, что вы приказали отобрать намеренно, уже уложено и ждет. Прикажете взять с собой?

— Бери, — коротко бросил император.

Усадьба Верховного суда располагалась к юго-востоку от дворцового комплекса, совсем неподалеку. Внушительный императорский кортеж без промедления прибыл к воротам ведомства, за которыми высились глухие, тщательно охраняемые стены Небесной тюрьмы. Дежурный чиновник, бледнея от волнения, бросился встречать венценосного гостя. Ян Тао обошелся парой сухих фраз и в сопровождении личной стражи проследовал внутрь.

В западной части тюремного комплекса скрывался уединенный закрытый дворик, разделенный на два покоя. Несмотря на лютую стужу, здесь тихо благоухали зимние сливы, а заросли бамбука стояли плотной зеленой стеной. Ян Тао явно бывал здесь прежде. Не дожидаясь доклада, он пересек первый дворик, миновал узорные ворота с резным экраном и по крытой галерее подошел к главному дому.

Главный дом, обращенный фасадом на юг, дышал простором: резные перегородки делили обширную залу на три уютные комнаты. В сгущающихся сумерках Лин Шу сидел за столом в западном покое, собираясь поужинать. Дун Чунь и Дун Гэ безмолвно прислуживали ему. Внезапное появление императора без какого-либо предупреждения заставило Лин Шу положить серебряную ложку. Он поднял глаза на гостя. Даже обделенный чуткостью к чужим настроениям, Лин Шу сразу понял, что государь чернее тучи. Не спеша отодвинув чашу с похлебкой, он поднялся, сделал несколько шагов навстречу и опустился на колени:

— Приветствую Ваше Величество.

Братья Дун поспешно последовали его примеру, склонив головы до самого пола.

Ян Тао раздраженно махнул рукой:

— Вон отсюда. Оба.

Братьев Дун как ветром сдуло.

Лин Шу продолжал стоять на коленях. Ян Тао не спешил приближаться: он замер у самого порога, буравя узника тяжелым, ледяным взглядом. В его осанке сквозило едва сдерживаемое бешенство, хотя лицо оставалось бесстрастным, словно маска.

Молчание затягивалось. Лин Шу не думал нарушать тишину первым, вынуждая государя тратить остатки терпения. Наконец Ян Тао не выдержал:

— А ты времени даром не теряешь, Юаньмэй! И откуда в тебе эта страсть очаровывать каждого встречного? Сперва вился вокруг этого мерзавца Ян Е, а стоило отправить тебя в Сицзя, как ты уже умудрился завлечь в свои сети Цзинь Яжэня! Воистину, в тихом омуте черти водятся. Как же жестоко я в тебе ошибался!

Лин Шу спокойно поднял на него глаза:

— Ваше Величество, между нами ничего нет. Я лишь однажды присутствовал на пиру, который давал для него помощник министра Цзин.

Ян Тао злорадно усмехнулся, процедив сквозь зубы:

— Вот как? Всего одна встреча, а он уже потерял от тебя голову? Этот степной зять требует отдать тебя ему. Хочет увести в Юньчжун, сделать главным палачом в своем ведомстве наказаний. Ну так что скажешь, Юаньмэй? Поедешь к своему новому покровителю?

<http://bllate.org/book/19546/1998820>